

Ирина Валерьевна Чернова
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры этнографии и музееведения
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ РУССКИХ СИБИРИ

План:

Введение

Вопрос первый – теоретический

- 1.1. Структура и содержание понятия «народные знания»
- 1.2. История формирования народных знаний русских Сибири
- 1.3. Изучение народных знаний русских Сибири

Вопрос второй – практический

- 2.1. Народная ветеринария русских Сибири
- 2.2. Народная метеорология русских Сибири
- 2.3. Народная космология и астрономия русских Сибири
- 2.4. Ботанические знания (знаниям о растениях) русских Сибири
- 2.5. Народная медицина русских Сибири
- 2.6. Народная метрология русских Сибири

Литература основная:

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.

Макаренко А.В. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. 167 с.

Русские: народная культура (история и современность). Том 5. Духовная культура. Народные знания. М., 2002. 376 с.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – XX вв.). М., 2001. Вып. 1. 183 с.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.). М., 2002. Вып. 2. 159 с.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего хотелось бы отметить, что изучение Сибири сейчас уже не мыслится без обращения к истории, культуре и хозяйству русских сибиряков. За несколько столетий русские превратились в неотъемлемую часть сибирского населения, а их богатейшая культура до сих пор дает пищу для размышлений этнографам, историкам, археологам и культурологам.

Каждую из отраслей знания интересует какая-либо из сторон жизни и быта русского населения Сибири. Актуальность научных исследований такого компонента, как народные знания определяется необходимостью не только раскрыть подлинную картину их бытования и выяснить генезис, но, что самое важное, установить причины сохранения тех или иных традиционных представлений до наших дней.

Нам кажется, что будет правильным изучать как традиционные представления русских сибиряков о сферах народных знаний, так и их современные интерпретации, с тем чтобы показать трансформацию структуры и содержания народных знаний русских в Сибири, а также обозначить факторы, которые повлияли на этот процесс. При этом современные представления не следует отделять от традиционных, так как они генетически связаны друг с другом и современное состояние верований, с нашей точки зрения, является новейшим этапом развития этой сферы культуры в целом.

1.1. Структура и содержание понятия «народные знания»

Народные знания являются важной частью традиционной культуры. Генетически они тесно связаны с фольклором и народной педагогикой. В большинстве общественных наук народные знания нередко приравниваются к народной науке и рассматриваются в качестве собой формы вненаучного и внерационального знания, ставшей в настоящее время делом отдельных групп или отдельных субъектов: знахарей, целителей, экстрасенсов, а ранее - шаманов, жрецов, старейшин рода¹. При своем возникновении народная наука обнаруживала себя как феномен коллективного сознания и выступала как этнонаука.

Считается, что народные науки обращены, с одной стороны, к самым элементарным, а с другой - к самым жизненно важным сферам человеческой деятельности, как-то: здоровье, земледелие, скотоводство, строительство.

Специфика народных знаний проявляется и в **выполняемых ими функциях**².

1. Одна из важных функций – это функция передачи социального опыта: каждое новое поколение получает от предыдущего отобранный опыт прошлого, но поскольку новые поколения ставят новые задачи, она обращается к прошлому, обнаруживая там то, мимо чего прошли «отцы и деды», следовательно происходит диалог поколений. Однако такой диалог необходим и между различными сферами народных знаний настоящего. Вне этого невозможно нормальное функционирование и развитие культуры. Следовательно народные знания диалогичны в своей основе. Кроме того, именно в рамках данной функции можно наглядно продемонстрировать связь таких явлений как народные знания и традиция.

¹ Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. Философия для аспирантов: Учебное пособие. Изд. 2-е - Ростов н/Д: «Феникс», 2003. – С. 6-26.

² О функциях культуры в целом и народных знаний см.: Есин А. Б. Введение в культурологию: Основные понятия культурологии в систематическом изложении: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. – С. 4-26.

2. Информационная функция.

3. Знаково-символическая (семиотическая) функция.

4. Ценностно-специализирующая функция: через народные знания человек приобщается к определенным общинным и личностным ценностям, в более широком понимании – народные знания способствуют изменению, совершенствованию, переработке и созданию новых ценностей.

5. Интегрирующая и дезинтегративная функции.

В структуру народных знаний включаются такие сферы традиционной культуры, как народная медицина, ветеринария, народный календарь и метеорология, народная астрономия и космология, а также знания о растениях.

1.2. История формирования народных знаний русских Сибири

Формирование народных знаний в Сибири тесно связано с историей заселения русскими сибирских территорий, а также обусловлено существованием некоторых специфических этнографических групп и их хозяйственной деятельностью.

Говорить об особом этническом типе сибиряка нет смысла. Хотя и нельзя обойти тот факт, что в отдельных местах этого огромного края русское население сохраняло или вырабатывало некоторые специфические

локальные особенности, образуя этнографические группы, рассматривать которые нужно дифференцировано, чтобы выявить специфику каждой группы в отдельности.

Рис. 1. Зажиточная бичурянка. Фрагмент фото

Источник изображения: Зажиточные бичурянки (Читинский музей 1920-е гг.) // Дорофеева Н.И. Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. - М., 1989.

Так, к примеру, семейские Забайкалья в силу религиозных, семейно-бытовых взглядов ревностно сохраняли свое этническое своеобразие,

выраженное в сохранении ими древнерусской одежды, в строительстве домов, в строгом соблюдении нравов, обычаев и обрядов, истоки которых уходят своими корнями в средневековую старину или даже в дохристианские времена³.

Словом, «сибиряки», частично смешавшись с аборигенами края, многие приемы заимствовали из их скотоводческой и охотничьей практики, но не выделились в особый тип, так как общерусские традиции в быту и культуре ими были сохранены в значительной чистоте. Это сказалось в строении домов, в обработке земли, в сохранении земледельческих орудий, частично в одежде, семейно-бытовой обрядности. Поэтому очень важно при изучении этнографии русских Сибири выявить соотношение национального и привнесенного в результате взаимодействия культур русского и аборигенного населения, а также взаимного влияния русских, украинцев и белорусов. Необходимо установить степень этих взаимоотношений и заимствований. Без уяснения подобных процессов трудно дать объективную картину жизни сибиряков. Несомненно, что жизнь русских в Сибири была отмечена особой спецификой, она не стояла на месте, а постоянно развивалась.

Главную роль в формировании народных знаний играл коллективный опыт адаптации к новым природным условиям. Так, на новых землях

³ О семейских см.: *Болонев Ф.Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (XIX - начало XX вв.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. - 159 с.; *Болонев Ф.Ф.* Прядение, ткачество и вязание у семейских Забайкалья (XIX - начало XX в.) // *Этнография Северной Азии*. - Новосибирск, 1980. - С. 139-163; *Болонев Ф.Ф.* Семейские: историко-этнограф. очерки / Ф. Ф. Болонев. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. - 206 с.; *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики / Ф.Ф. Болонев ; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Петров. акад. наук и искусств, Новосиб. отд-ние. - 2-е изд., испр. - Барнаул: Изд-во БЮИ, 2001. - 50 с.; *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. / Ф.Ф. Болонев ; ред. С.В. Бураева; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т археол. и этногр. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. - 339 с.; *Матвеева Р.П.* Народно-поэтическое творчество народов Забайкалья (семейских) / Р. П. Матвеева ; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т монголовед., буддологии и тибетологии. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. - 124 с.; *Фольклор семейских* / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплекс. НИИ; сост.: Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; ред. Л. Е. Элиасов. - Улан-Удэ, 1963. - 672 с.; *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские / А. М. Селищев. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1920. - 81 с. и др.

Сибири, в новых климатических условиях народ из года в год вырабатывал наилучшие агротехнические приемы и способы обработки земли. Коллективный опыт крестьян и промысловиков способствовал утверждению определенных типов жилищ в разных местах Сибири. Отличаются точностью их наблюдения за погодными условиями, что нашло отражение в народных приметах, в создании своего устного календаря. А сколько народ хранил и бережно передавал из поколения в поколение добрых, разумных традиций, обычаев, ярких праздничных обрядов, как религиозных, так и часто лишенных религиозного смысла или сохранивших древнерусские языческие традиции общинно-родового свойства с их разумными началами в хозяйстве, в быту в отношении к природе.

1.3. Изучение народных знаний русских Сибири

Исследование существующих по сей день народных знаний продолжает развиваться на фоне новых (иных) социально-бытовых и природных условий. Их видимые проявления по-разному наблюдались и фиксировались, а также и оценивались в разное время.

В XVIII – первой половине XIX в. появляются исследования русских и иностранных ученых, носящие в большинстве своем эпизодический характер. В это время изучением народных знаний занимались в основном представители государственных учреждений. Однако именно в этот период были заложены основы так называемого программного изучения истории и культуры сибирских народов, которые базировались на специально разработанных анкетах и программах. Одной из первых была анкета, составленная В.Н. Татищевым. Она была направлена на получение историко-географических и этнографических сведений от местного начальства и населения⁴. Именно эта анкета была в дальнейшем с успехом опробована на практике Г.Ф. Миллером и С.П. Крашенинниковым.

⁴ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России / В. Н. Татищев. – М.:

С середины XIX в. значительно расширяется круг сведений о народных знаниях, чему способствует общая атмосфера эпохи – появление Императорского Русского географического общества и работа его отделов в Восточной и Западной Сибири, исследовательская и издательская деятельность Общества Любителей естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете.

Этому немало способствовало и появление во второй половине XIX в. исторических исследований, посвященных отдельным местностям Сибири. Их авторы – профессиональные историки и непрофессионалы, интересующиеся историей своего края, в числе которых часто оказывались ссыльные, – описывали культуру и быт русского населения, проживающего на рассматриваемых территориях. Подобные работы в настоящее время дают возможность охарактеризовать природные и социальные условия формирования и развития народных знаний.

Среди них можно отметить труды В.К. Андриевича, В.В. Бартенева, И. Завалишина, И.Я. Неклепаева и др.⁵

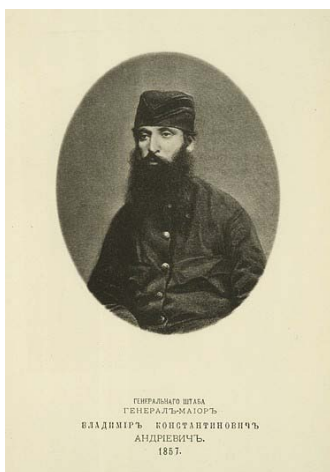

Рис. 2. Портрет В.К. Андреевича

Источник изображения: Альбом портретов бывших кадет 1-го кадетского корпуса 1732–1862 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.genroge.ru/1kk/f-205.htm>

Сбор сведений о русских Сибири находился в тесной связи со сбором систематических данных об обычаях, обрядах,

Географиздат, 1950. – 248 с.

⁵ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. – Ч. II.: Период с 1806 по 1819 г. – СПб., 1889. – 298 с.; Бартенев В.В. На крайнем северо-западе Сибири: (Очерки Обдорского края) // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX вв. – Екатеринбург, 1998. – С. 112 – 218; Завалишин И. Описание Западной Сибири. – М., 1862. – 414 с.; Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – 400 с. и др.

поверьях крестьян разных районов Европейской России стали собирать приблизительно с середины XIX в. Верования и знания русских привлекли внимание В.И. Даля, М. Забылина, С.В. Максимова, Д.К. Зеленина. В 1880 г. был опубликован труд В.И. Даля по народным верованиям русских «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа»⁶.

Михаил Забылин, видный знаток русской старины и собиратель славянских древностей, в своей работе «Русский народ: Его обычаи, предания, обряды и суеверия»⁷ приводит огромный материал по народным праздникам, народной медицине и народным представлениям в различных сферах знаний. Незаменимым источником по восточнославянской народной медицине является монография «Нечистая, неведомая и крестная сила» писателя и этнографа Сергея Васильевича Максимова (1903)⁸. Несмотря на то, что эти работы носили описательный характер, полнота отраженных в них сведений превратили их в своего рода энциклопедии по народным верованиям русских.

Представления восточных славян изучал видный исследователь в области этнографии и фольклористики Дмитрий Константинович Зеленин⁹, в работах которого было поднято немало важных вопросов, касающихся взглядов русских крестьян на природные особенности, праздники и некоторые аспекты народно-религиозных взглядов русских Сибири.

В 20-е XX в. на территории Восточной Сибири продолжали исследования этнографии русских сибиряков, опираясь на традиции дореволюционной науки. Поэтому в поле зрения ученых периодически попадали отдельные религиозные представления и верования. Видными

⁶ Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 736 с.

⁷ Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды и суеверия. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 608 с.

⁸ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: ТОО «ПОЛИСЕТ», 1994. – 448 с.

⁹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 511 с. – (Этнографическая библиотека); Он же. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Изд-во «Индрик», 1995. – 432 с.

исследователями этнографии русских были фольклористы М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов, которые сотрудничали с ВСО РГО. В 1923 г. они организовали журнал «Сибирская живая старина», в котором можно найти отдельные свидетельства по изучаемой теме. Особенно интересны 3–8 выпуски журнала, в которых было много статей по краеведению и русской этнографии.

В 1950-е годы начинается комплексное изучение отдельных регионов Сибири, населенных русскими, которое дало неплохие результаты: были исследованы хозяйство, материальная культура, народное зодчество, семья, семейный быт и отдельные аспекты духовной жизни сибиряков.

Над выявлением особенностей хозяйства, культуры и быта русских старожилов Сибири трудились многие крупные этнографы, искусствоведы, знатоки народного зодчества, внесшие своими трудами значительный вклад в изучение русского населения Сибири. Особо отметим ценность работ Л.М. Сабуровой, В.А. Александрова, А.А. Лебедевой, Г.С. Масловой, А.В. Сафьяновой, В.А. Липинской, И.В. Власовой, Е.А. Ащепкова, И.В. Маковецкого, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, Г.И. Охрименко, Ф.Ф. Болонева, Л.М. Русаковой, Е.Ф. Фурсовой, О.Н. Шелегиной, П.Е. Бардиной и др.¹⁰

¹⁰ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). - Новосибирск, 1975. - 351 с.; *Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII - начало XX в.: сборник научных трудов* / Отв. ред. к.и.н. Л.М. Русакова, д.и.н. Н.А. Миненко. - Новосибирск: Наука, 1985. - 238 с.; Лебедева А.А. Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX - начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. - М., 1974. - С. 202-222; Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья. Очерки материальной культуры. XVII - начало XX в. - М., 1992. - 136 с.; Лебедева А.А. Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII - начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII - начала XX в. - М., 1979. - С. 63-107; Лебедева Н.И. Хозяйственный быт Приангарья (XIX - начало XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. - Новосибирск, 1971. - Ч. I. Приангарье. - С. 91-95; Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX - начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. - М., 1967. - С. 193-267; Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда как материал к этнической истории народа // Сов. этнография. - 1956. - № 4. - С. 18-31; Липинская В.А. Поселения, жилища и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. - М., 1969. - С. 9-76; Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая

Мы не можем обойти вниманием и обобщающий труд по истории русских Сибири – «Историю крестьянства Сибири», где в разделе по семье и семейному быту содержится большое количество материала по народным знаниям.

В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. у сибирских этнографов возрос интерес к теме народных знаний русских Сибири. Появились научные статьи на эту тему П.Е. Бардиной, Т.Н. Золотовой, И.В. Куприянова, Г.В. Любимовой, Л.В. Новоселовой, И.К. Феоктистовой, Т.И. Шаргородской¹¹.

Вопрос второй – практический

Для характеристики народных знаний нам нужно обратиться к таким разделам традиционной культуры, как исторические легенды и предания, фольклор; хозяйство, пища, утварь, средства передвижения; народные верования и обряды, связанные с хозяйственной деятельностью; рождение и воспитание; генеалогия и семейные хроники; поселение и жилище – фиксация могильного комплекса методом инструментальной съемки,

половина XIX - 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. - М., 1989. - С. 142-171; *Фольклор семейских* / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплекс. НИИ; сост.: Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; ред. Л. Е. Элиасов. - Улан-Удэ, 1963. - 672 с.; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII - первой половины XIX вв.): монография / Н.А. Миненко. - Новосибирск: Наука, 1979. - 350 с.; *Сабурова Л.М.* Культура и быт русского населения Приангарья. - Л., 1967. - 279 с. и др.

¹¹ Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 224 с.; Бардина П.Е. Сибирские обычаи, поверья, заговоры, обереги. – Томск, 1992. – 32 с.; Золотова Т.Н. Сохранение в сельской среде представлений о «сглазе» и «порче» (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции в Большеуковский район Омской области) // Народная культура Сибири: Материалы IX науч.-практ. семинара Сиб. регион. вузовского центра по фольклору. – Омск, 2000. – С. 123–126; Куприянова И.В. Колдовство и знахарство в воспоминаниях старожилов // Этнография Алтая: Материалы II науч.-практ. конф. – Барнаул, 1996. – С. 167–172; Любимова Г.В. Категории знающих людей в сибирской деревне (Материалы к словарю понятий и терминов) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы науч.-практ. конф. – Барнаул, 2001. – Вып. 4. – С. 117–120; Новоселова Л.В., Дозорцева А.С. Время и пространство в быличках о колдуне на свадьбе // Русский вопрос: история и современность: Материалы III всерос. науч. конф. – Омск, 1998. – С. 269–271; Феоктистова И.К. Суеверные рассказы в устной традиции омичей (записи 1970–2001 гг.) // Народная культура Сибири: Материалы X науч.-практ. семинара Сиб. регион. вузовского центра по фольклору. – Омск, 2001. – С. 120–122; Шаргородская Т.И. Ведьма и колдун в народных верованиях русского населения юга Западно-Сибирской равнины // Русский вопрос: история и современность: Материалы II всерос. научн. конф. – Омск, 1994. – Ч. II. – С. 77–79.

похоронный обряд, и др. Именно там мы можем обнаружить сведения о некоторых аспектах народных знаний русских в Сибири.

2.1. Народные знания о фауне у русских Сибири

Под влиянием экологических условий доминирующими видами хозяйственной деятельности были охота и скотоводство. Их развитие способствовало формированию богатейшей терминологии, связанной с объектами, орудиями и процессами и продукцией охоты, с одной стороны, и с характеристиками домашнего скота, - с другой. И охота, и скотоводство аккумулировали разнообразные природоведческие знания, т.к. требовали постоянной наблюдательности.

Охотникам необходимо было уметь предугадывать характер миграции животных по сезонам, подмечать их взаимосвязь с явлениями природы. Большое значение для промысла имело также умение распознавать след зверя и определять степень его свежести. Кроме того, охотники обладали определенной информацией об анатомии животных, умели быстро свежевать и членить туши животных в строго определенном порядке.

У русских Сибири сложились, в том числе и под влиянием аборигенных групп населения, устойчивые традиции охраны природы, которые играли важную регулирующую роль в практике природопользования и хозяйственных занятиях, а также оказали значительное воздействие на их систему поведения.

Так, например, как и у аборигенов, у русских существовал негласный запрет на убой молодняка, важенок, запрещалась охота во время перелета птиц, что способствовало сохранению нормальной популяции. Охотничьи угодья делились между крестьянами, иногда официально, иногда неофициально. За охоту на чужих угодьях наказывали достаточно жестко. Так, например, в Восточной Сибири за это могли даже убить, или, что еще

хуже – снять трубу с охотничьей избушки. В таком случае провинившийся охотник не мог ни согреться, ни приготовить еду.

Что касается терминологии, отметим, что у русского населения Сибири для тех животных, которые играли важную роль в традиционном хозяйстве, была детально разработана половозрастная терминология и представлены их сезонные названия.

Например, существовала целая система признаков, по которым нужно было выбирать корову: шершавые рога свидетельствовали о том, что молоко у коровы жирное; у хорошей коровы должно было быть 8-9 зубов; большое расстояние между ребер – в 3 пальца, высота лба в четверть ширины; обилие серы в ушах животного свидетельствовали об обилии молока. Но часто подобные рациональные воззрения переплетались с иррациональными, например, при продаже коровы, чтобы не отдать со двора все молоко, у животного между рогами и в хвосте вырезают клочки волос и оставляют их дома. Подобные действия, типичные для вредоносной магии, несут здесь иные функции, и поэтому превращаются в охранительную магию, не нанося вреда новым хозяевам коровы.

Кроме того, следует отметить также разработанность названий животных по масти, при этом нередко то или иное наименование относилось к животным разных классов.

В некоторых районах можно было наблюдать симбиоз русской культуры и культуры аборигенов края, например, Ф.Ф. Болонев указывает, что в Забайкалье одной из тесных форм общения русских и бурят являлась отдача русскими крестьянами части своего скота на летнюю пастьбу бурятам, имеющим земельный достаток. Редкий русский хозяин не угонял свой скот на летние бурятские пастбища. Многие семейские крестьяне имели свои заимки на землях, принадлежащих бурятам. Там заводили себе нукеров (нухэр (бур.) - друг, товарищ).

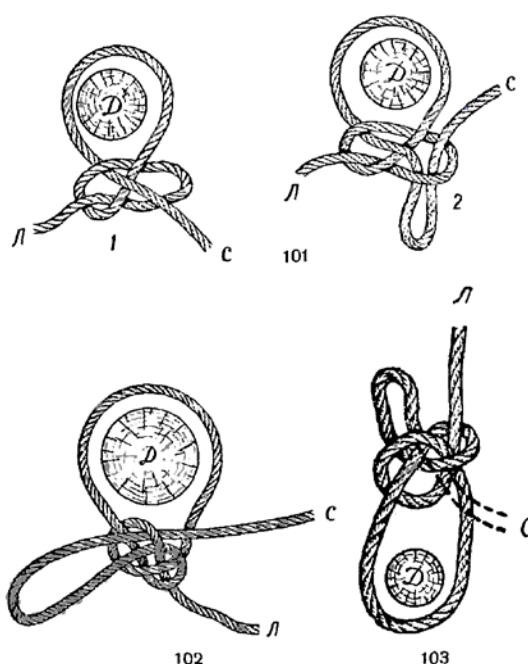
Русские в новых природных условиях почерпнули много ценного из скотоводческой практики бурят. Не случайно у семейских многие названия

домашних животных бурятского происхождения. Двухлетний бычок-бурун (от бурятского буруу), маленький ягненок-кургашек (от бурятского хурьган), кастрированный баран - ерген (от бурятского ергэн) и т. д. Бурятские названия закрепились и за многими предметами быта, пищи и т. п.

Многочисленные заимствования в русском языке из словарного фонда бурят, эвенков зафиксированы в "Словаре русских говоров Забайкалья", составленном Л. Е. Элиасовым.

Рис. 3. Схема завязывания «бурятского» (калмыцкого) узла

Источник изображения: Обручев С.В. Справочник путешественника и краеведа. – М.: Географгиз, 1949. – Т. 1. - Рис. 101-103.

Заимствован семейскими у бурят и так называемый «бурятский узел» (его еще называли калмыцким), очень надежный и удобный в хозяйственной крестьянской практике, в частности, для привязывания лошадей, для их завожживания и т.п.

В свою очередь, русские крестьяне тоже охотно делились своими знаниями, опытом, культурными достижениями.

В крестьянской среде сохранились достаточно архаичные представления о медведе.

В конце XIX в. следы почитания медведя как особого лесного существа отмечены в различных районах Сибири¹². Бытовало убеждение, что эти

¹² См. о медведе: Попова А.М., Виноградов Г.С. Медведь в воззрениях русского старожилородного населения Сибири // Советская этнография. – 1936. - № 3. – С. 78-83; Подмаскин В.В. Народные знания в традиционной культуре тунгусо-манчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – XX в.). Автореферат диссертации... доктора исторических наук. – Владивосток, 2002. – С. 9-16; Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. культ медведя в верованиях крестьян Сибири (следы прошлого в настоящем) // // Народы

животные понимают человеческую речь. Русские охотники в Якутии, убив медведя, считали своим долгом извиниться перед ним, а также, видимо, боясь последствий, говорили его «душе»: «Не я тебя убил, а тунгус» (заметим, что аналогичным же образом поступали охотники коренных народов Сибири, возлагая однако вину уже на русского).

Проводивший наблюдения и распросы в течение 1885-1891 гг., В.Я. Неклепаев неверно считал, что соответствующие поверья бытовали здесь у русских вследствие близкого общения с местными народами - хантами. Однако вера в сверхъестественные свойства медведей, табуирование их мяса для еды и пр. фиксировалось в прошлом у русских, прежде всего, северных территорий Европейской России.

В отношении медведей бытовало еще одно, как пишет В.Я. Неклепаев, «суеверие», касающееся их провидческих способностей, особого чутья в отношении женщин. По словам сургутян, медведь в случае встречи с толпой женщин непременно бросался на беременную, «наипаче, если она беременна парнем». Даже из сотни он всегда, якобы, определял такую безошибочно, хотя бы она была еще в первом фазисе беременности. А отыскивал он их для того, чтобы в самом зародыше умертвить своего будущего врага - охотника, каковым, по условиям местной жизни, являлся почти каждый парень. Вот почему медведь особенно и «зарился» на тех крестьянок, которые были «брюхаты парнем» и, если такая женщина попадалась ему в лесу, хотя бы и в большом «табуне», ей было не сдобровать: медведь обязательно вырывал у нее ребенка. Это было одной из причин, почему в этих местах обычно беременных не брали в лес (напр. за ягодами), так как они, якобы, могли привлечь к «табуну» медведя и сами погибнуть. До сих пор среди пожилых охотников можно встретить человека, слыхавшего о медведях как провидцах, которые «наперед все знают».

Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск, 2000; Кернер В.Ф. Медведь в обрядах перехода // Образы и сакральное пространство древних эпох. - Екатеринбург: "Аква-Пресс", 2003. - С. 49-66 и др.

Исходя из многолетних наблюдений за поведением, повадками медведя, сибиряки делали предсказания о погоде, прогнозировали изменения в ходе времен года. Так, в Енисейском округе верили, что, если зверь долго не залегает в берлогу, то зима будет суровой. У крестьян вызывала уважение приверженность косолапого соседа к точным датам календаря, как бы подтверждавшая его незаурядность. Считалось, что медведь впадает в зимнюю спячку со “сдвиженья” (Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня), т.е. с 27 сентября н. ст.. Просыпается и покидает берлогу лесной хозяин под Благовещение, т.е. 7 апреля. Кроме того, знал он и еще одну важную дату - середину зимы. Крестьяне верили, что медведь спит на одном боку, но, как только перевернется на другой, половина зимы миновала.

Убитый медведь, согласно представлениям сибирских крестьян, мог помогать людям в их борьбе с нечистой силой. Так, кое-где в конюшне было

принято хранить отрубленную медвежью лапу, а дом, конский двор, хозяйственные постройки окуривать медвежьей шерстью.

Рис. 4 Медвежий праздник

Источник изображения: Фрагмент экспозиции «Мифологическое время» Государственный Музей Природы и Человека Ханты-Мансийска // Наше наследие [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/pics/8616-pictures.php?picture=861606>

И сегодня охотники, как и прочие селяне, считают, что медвежатина обладает лечебными для человека свойствами, а медвежьим салом можно вылечить болезни легких.

Полевые этнографические материалы, относящиеся к концу XIX - началу XX в., свидетельствуют о сохранении в календарных обычаях и обрядах множества пережитков, связанных с культом медведя. Более всего

это фиксируется в святочных и масляничных ряжениях русских старожилов¹³.

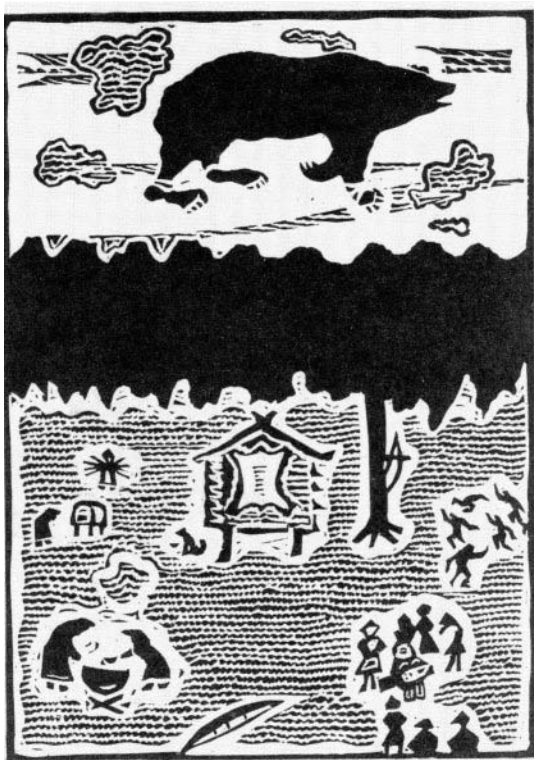

Рис. 5. Медвежий праздник

Гравюра Г.С. Раишева из архива З.П. Соколовой

Источник изображения: Соколова З.П. Ханты и манси // ЭтноФото. Блог Института этнологии и антропологии РАН [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ethnophoto.livejournal.com/12866.html>

Занимались русские и таким промыслом, как рыболовство, что также было обусловлено природно-географическими особенностями региона. Дело в том, что многие населенные пункты в Сибири располагались около рек и озер. В условиях сибирского бездорожья реки были важнейшим средством коммуникации. Но, кроме всего этого, учитывалась и возможность ловли рыбы, причем не только крестьянами, но и властями, особенно при разрешении переселения. Почти с самого начала освоения Сибири русскими устанавливалась практика закрепления рыбных ловель за отдельными пользователями. Уже в первой половине XVII в. многие томские служилые люди закрепляли рыболовные участки в собственность и платили с рыбных ловель в государеву казну пошлыны¹⁴.

Рыбу крестьяне ловили в основном для собственных потребностей, но со временем все чаще стали выходить на рынок, прежде всего в заводские поселки.

¹³ Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. - СПб., 1994.

¹⁴ Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке. – Барнаул, 1997. – С. 88-92.

Рыба всегда употреблялась в кухне сибиряков в бесчисленных видах: *паровая* или *подпарная*, *варёная* (отварная), *тельная*, т. е. изготовленная особым образом из одного филе, без костей, но с кожей, *жареная*, *чиненая* (наполненная начинкой из каши, лука или грибов), *тушёная*, *заливная*, *печёная* в чешуе, *запечённая* на сковороде в сметане, *просольная* (солёная), *вяленая*, *сушёная* на ветру и солнце (вобла) и *сушёная* в печи (сушик). В Западной Сибири ели *мороженую сырую* (строганина)¹⁵. Менее была распространена в сибирской народной кухне до середины XIX в. копчёная рыба, которая в последнее время, наоборот, широко используется в трёх видах – холодного копчения, горячего копчения и копчёно-вяленая.

Что касается знаний о рыбе, то заметим, что русские знали в основном местные сорта рыбы и умели их готовить. Нередко и здесь происходили заимствования, сохранившиеся до сих пор. Так, например, население Приангарья до сих пор называют «макчонами», макчон в переводе с эвенкийского пескарь.

Знания о животных также включают в себя ветеринарный пласт представлений.

Рассматривая сведения по ветеринарии, собранные у русского населения Сибири, стоит сказать, что они включают не только информацию о болезнях животных и способах борьбы с ними, здесь также важна информация о питании животного и об условиях его содержания¹⁶.

¹⁵ Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. Основные кулинарные направления, их история и особенности, рецептура. - М., 1981.

¹⁶ О ветеринарии русских Сибири см.: Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии): Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд. Иркутская губ. / Г.С. Виноградов. - Петроград: тип. В.Д. Смирнова, 1916. - 106 с.; Городцов П.А. Сибирская язва // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. - Тюмень, 1924. - Вып. 1. - С. 53-101; Царегородцева Т.Л. Иррациональные приемы в народной ветеринарии русских и украинцев Западной Сибири // Русский вопрос: история и современность: Тез. докл. - Омск, 1992. - Ч. II. - С. 51-54; Кашин Н. Домашние средства, употребляемые жителями Приаргунского края при лечении болезней и народные врачи приаргунцев // Вестник Географического общества. - 1860. - Ч. 30. - Отд. II. - С. 121-146; Богдан Ю.А. Народные ветеринарные знания у русских Среднего Прииртышья (По материалам этнографических экспедиций 1999 г.) // История и культура Сибири: Материалы Юбилейной науч. сессии Омского филиала Объединенного института

Рис. 6. Маковский В.Е. Пастушки

Источник изображения: Маковский В.Е. Пастушки [Электронный ресурс]: 1903 г.: Репрод. / В. Е. Маковский // Коринфский А. Народная Русь : сказания, поверия, обычаи и пословицы русского народа. - М. : Белый город, 2006. - С. 218. Бытовой сюжет Портрет

Народно-ветеринарные знания русских Сибири формировались на основе местных природных условий, хозяйственных навыков и знаний, заимствованных у аборигенных групп сибирского населения. В районах с животноводческой специализацией фиксировались знания о режиме питания скотины, о различиях кормовой базы, о способах лечениях и особенностях ухода за крупным рогатым скотом, птицей и мелкой живностью.

Так, в некоторых районах Западной Сибири считалось, что сено, скошенное для корма скотины в лесу не питательное, пустое. Лучшим кормом для коров была трава на лугах: горошек, тысячелистник, пырей.

истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН. – Омск, 2001. – С. 276–279; Макаренко А.А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского уезда, Енисейской губернии // Живая Старина. - 1897. - Вып. 1. - С. 57-100; Вып. 2. - С. 230-246; Вып. 3-4. - С. 381-439; Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994. и др.

Особенно питательным считался пырей. Говорили «Как только оржанец (пырей) начинает колоситься, его надо косить – самая молочная будет».

Но наиболее представителен раздел собственно о болезнях животных известных в народе. В Сибири были зафиксированы следующие наиболее распространенные заболевания: «сибирка», «ноготь», «колики», «язык», «мышки». Воззрения, связанные с ними условно можно разделить на 2 группы: рациональные (в основном связаны с внешними кожными и иными болезнями, причина которых была понятна, лечение мокреца, например) и иррациональные (сюда можно отнести взгляды на большинство инфекционных заболеваний, так, например, считалось, что сибирская язва (или как ее еще называли «Сибирка», «ветрена») – болезнь вызываемая проделками колдунов или нечистой силы.

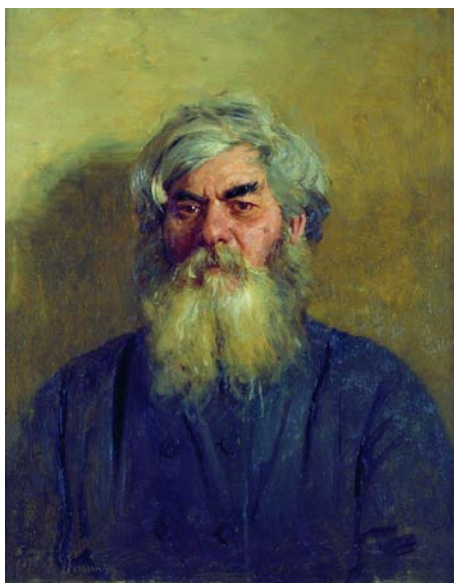

Рис. 7. Мужик с дурным глазом

Источник изображения: Репин И.Е.
Мужик с дурным глазом. 1877. Третьяковская галерея. Репродукция картины.

В целом, можно говорить, что комплекс знаний о фауне у русского населения Сибири представлен достаточно широко. В нем можно увидеть много заимствований из культуры окружающих групп населения, в основном аборигенного, которые фиксируются сейчас уже на лексическом уровне. Основы данного комплекса знаний тесно связаны с превалирующими формами хозяйства и направлены на повышение их эффективности.

2.2. Народные знания об астральном мире и атмосферных явлениях у русских Сибири¹⁷

Фонд знаний о небесных светилах характеризуется значительным богатством и точностью наблюдений, т.к. и здесь выявляется специфика активных отношений человека с природой.

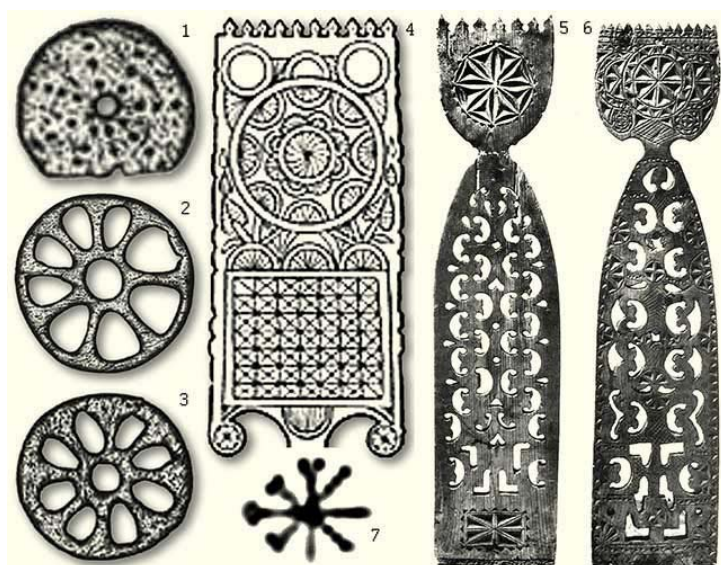

Рис. 8. Символы календарно-астрономического характера

Источник изображения: Тюняев А.А. Древнерусский принцип исчисления времени [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gnozis.info/?q=node/4222>

Четкая ритмическая повторяемость движения небесных светил во времени и пространстве давала людям объективные и универсальные ориентиры (суточные и сезонные), необходимые для успешной реализации хозяйственной деятельности, и соответственно, наглядные представления о закономерных явлениях окружающего мира.

¹⁷ См. об этом: Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. - М.: Индрик, 2000. - 432 с.; Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 320 с.; Русская мифология. Энциклопедия / Состав. Е.Л. Мадлевская. – М.: Эксмо, 2007. – 421 с.; Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи / Подготовка текста и коммент. Ю.М. Медведева, вступит. статья Б. П. Кирдана. - М.: Современник, 1982. - 464 с.; Подмаскин В.В. Народные знания в традиционной культуре тунгусо-манчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – XX в.). Автореферат диссертации... доктора исторических наук. – Владивосток, 2002; Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. - М., 1995; Зеленин Д.К. Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Известия АН СССР. - Серия 7. Отделение общественных наук. - 1933. - № 8; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. - М., 1974 и др.

В традиционной культуре русских Сибири архаичные восточнославянские воззрения тесно переплетались с представлениями местных аборигенных народов, с одной стороны, и трансформировались под влиянием модернизации, образования и т.п., - с другой.

Весьма популярным у русских Сибири оставалось звёздное скопление Плеяд (находится в созвездии Тельца). В разных группах сохранились различные его названия, в основном имеющее общеславянское происхождение - Волосыни, Волоса, Стожары, Волосожары и т.д. Исследователи полагают, что это было способом отображения наблюдений за зимним небом и движения по нему Плеяд, служивших «регистратором» времени вынужденного простоя в хозяйственной деятельности. В летнее время (а именно с апреля по август) Плеяды в северной половине неба не видны.

Еще одно восточнославянское представление связано с тем, что полярная звезда (Малая Медведица) представлялась как кол (ось), вокруг которого двинутся звёзды. Впрочем, сходное понимание мы находим и у других народов.

Местные названия созвездий чаще всего заимствовались у аборигенного населения, особенно в местностях, где преобладали охота и рыболовство, например, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке бытовали такие названия, как «человек», «амбар на сваях», «дорога», «глаза медведя», «следы кабарги» и т.п. Там же, где превалировало земледелие, можно было встретить и такие астронимы: плеяды называли *Грудками* (*грудка* «малая укладка снопов или сена»), *Курицей с цыплятами*, *Лантем*, *Решетом*; *Горбатый Мерин*, *Кичига*, *Ковш*, *Коромысло*, *Поваренка*, *Телега*, *Чипега* (ср. *чипига* «деревянный остов плуга») - Большая Медведица; *Аршинчик*, *Грабли*, *Коромысло*, *Оржаные промежки* (*промежек* «часть стога между двумя стожарами») - Пояс Ориона; *Коромысла*, *Матица*, *Мышины Тропки*, *Пояс*, *Улица* - Млечный Путь и т. п.

Большое значение отводилось наблюдениям за Луной. В некоторых местностях Сибири сохранились специфические названия лунных фаз: новолуние – «межи», молодой месяц – «новец», первая четверть – «новый перекрой», фаза около 10 дней – «подполонь», полнолуние – «полонь», фаза около 17 дней – «ущерб», последняя четверть – «ветхий перекрой», старый серп – «ветох».

Еще один пласт представлений – это представления о Солнце. В Сибири сохранялись как архаические представления, зафиксированные фольклористами, сохраненные в сказках, заговорах, так и сугубо практические, например, в виде способов определения времени по солнцу. В целом Солнце воспринималось в качестве субъекта, равного Земле.

Воззрения, касающиеся Земли, можно условно разделить на 2 части: первую составляют более поздние взгляды, обусловленные влиянием школьного образования («кто как о происхождении земли говорил: земля стоит на трех слонах, некоторые, что на семи слонах»), вторую – более архаичные («Одни говорят, что земля круглая и крутится. А крутится ли она? Ведь деревня стоит. Уже она перекрутилась бы давно, если бы Земля крутилась», или еще «Спорить буду, никто не переспорит, что Земля на месте стоит, а не крутится. Ведь как ложишься спать в одном месте головой к двери, так и просыпаешься. А если бы кружилась, то перевернулось бы все уже»). Кроме того, с землей были связаны и мифологические представления.

В традиционном сознании земля наделялась женским началом, а плодоносящая земля соотносилась с беременной женщиной. Не случайно и день именин земли — Духов день — считался «бабьим праздником». В период от посева до начала всходов в Приангарье, например, существовал запрет скакать по земле, поскольку, по общему поверью, земля в это время «брюхата». Нарушение запрета считалось большим грехом. В некоторых губерниях при засухе обязательное участие в обряде вызывания дождя беременной женщины объяснялось именно тем, что она, как и земля, - будущая роженица. В Ильин день после молебна на кладбище беременную

запрягали в соху и вели по полю, при этом мужчины помогали ей, а сзади шли певчие. Часто в обрядах вызывания дождя использовали архаичных кукол.

Рис. 9. Кукла Кострома

Источник изображений: *Котова И.Н., Котова А.С.* Русские обряды и традиции. Народная кукла. – СПб.: Паритет, 2008. – 240 с.

В целом, астральные тела служили важными ориентирами в пространстве, позволяли определять время, прогноз погоды, а также сроки земледельческих работ, охоты и собирательства. Они были тесно связаны с метеорологическими наблюдениями и приметами знаниями об атмосфере.

Знания об атмосфере включали в себя представления о таких стихиях, как огонь, ветер, вода. Здесь сочетались как рациональные взгляды, так и мифологические моменты.

Упомянем лишь одну из них – ветер, т.к. она сочетает в себе как рациональные, так и иррациональные черты. В крестьянской среде причины возникновения ветра осмыслялись по-разному. В некоторых местах его появление связывалось с общеславянскими представлениями о ветре как местопребывании душ и демонических существ. Когда поднимался сильный ветер, обычно говорили, что кто-то умер неестественной, то есть не своей, смертью или что умер колдун. В Томской губернии полагали, что ветер появляется из неба, которое случайно «пробили» люди. На Русском Севере существовало представление о том, что зарождению этой природной стихии

способствуют действия при мотании ниток, создающие движение воздуха, особенно если эта работа производится летом на закате солнца.

Ветер воспринимался как стихия, наделенная большим могуществом, — и полезная, и опасная. Ветер может принести спасение в море и благодатный дождь, а может засыпать посевы градом и возмутить смертоносные волны водной стихии. Традиционные представления об особенностях ветра как природного явления в полной мере отразились в русских поговорках. Так, о его могуществе свидетельствует поговорка «Выше ветра голову не носи», а о неумности и жестокости — поговорка «Ветер взбесится, и с бобылей избы крышу сорвет». В поговорках «За ветром в поле не угоняешься» и «Спроси у ветра совета, не будет ли ответа?» раскрываются его основные характеристики — быстрота и неуловимость, вольность и непредсказуемость

Опасность ветра заключалась в том, что он, по поверьям русских крестьян приносил мор, эпидемии, эпизоотии (падеж скота). Отсюда и такие народные названия повальных болезней, как «поветрие», «ветрянка». Источником болезней считались злые ветры, особенно вихрь. Кроме того, до сих пор во многих местностях считают, что именно по ветру колдуны пускают свои чары и насылают порчу.

Вместе с тем ветер был нужен для совершения разных хозяйственных и промысловых работ. В случае необходимости его вызывали свистом, а иногда пением. Особенно важной была его роль в рыболовном промысле. Именно поэтому существовал ряд примет, предсказывающих силу и направление ветра. Будет ли ветреной погода, судили по закату солнца. Считалось, что «если солнце при закате красное, то на следующий день будет ветрено». Так же красное на закате солнце понималось, что «на завтра будет дождь». Сами рыболовы, находясь в море, для привлечения попутного ветра молились св. Николаю и бросали на воду хлеб по направлению к этому ветру.

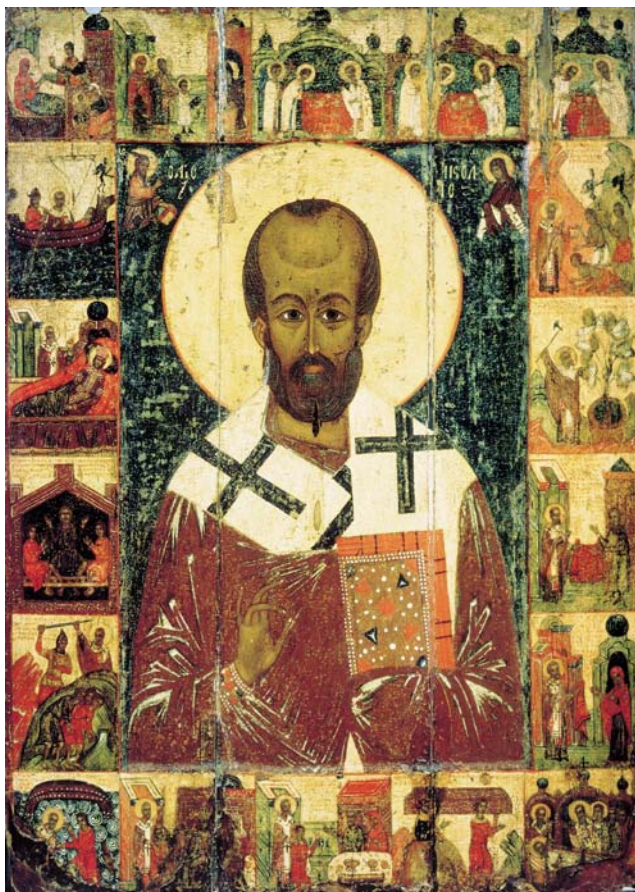

Рис. 10. Икона Святителя Николая Чудотворца с житием

Источник изображения: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. - Т. 1. Древнерусское искусство X – начала XV века. - М., 1995.

Метеорологические знания русских Сибири условно можно разделить на несколько групп: 1) связанные с наблюдениями за повадками и поведением животных и растений 2) связанные с предсказаниями погоды на основе временных периодов и «народного календаря» 3) основанные на наблюдениях за состоянием атмосферы.

В первой группе преобладают материалы, связанные с определением вероятности осадков. Среди них отметим такие, как «курицы на дождь общипываются», или если «гусь на одной ноге стоит», это тоже предвещает ненастье (зимой эта же примета означала что будет снег и мороз). По поведению кошки тоже говорили – «Если кошка себя обихаживает, моет, за ушами чешет – к плохой погоде». Но самой известной приметой конечно же было наблюдение о том, что «ласточки низко к земле приземляются, также к дождю». В северных районах Сибири, где было много мошки и гнуса, население подметило, что «Если много мошки и комаров стаями летают, значит, будет дождь». Самым простым барометром, показывающим вероятность осадков был сосновый или еловый сучок.

Вторая группа метеорологических знаний связана с долгосрочными предсказаниями погоды на основе временных периодов, или на основе тех дней религиозного календаря, по которым, как считалось, можно определить погоду. В такие отрезки времени или в определенные дни наблюдали за состоянием погоды: шел ли снег или дождь, был ли иней. После по результатам этих наблюдений строили долгосрочные прогнозы или определяли урожайность года.

Метеорологические знания, связанные с «народным календарем»

основаны на религиозных представлениях русских.

Рис. 11. Сергеев Юрий. Русь языческая. Праздник урожая. 1990

Источник изображения: картинная галерея художника Юрия Сергеева [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://alpenrose.narod.ru/gallery.html>

Тем не менее, народный календарь был необходим для ведения сельскохозяйственных работ, но основа его строилась, все же, не на предсказаниях погоды, а на результате многолетних наблюдений за погодой в определенные временные периоды. Именно эмпирический опыт давал информацию, когда лучше сеять те или иные сельскохозяйственные культуры, когда приступать к их уборке.

Третья группа метеорологических знаний, описанных в источниках, основана на наблюдениях за состоянием атмосферы или лучше сказать это знания, накопленные в результате наблюдения за небом. Так, говорили «Если розовый закат («ведра буде» т.е. солнце заходит не в тучу), то следующий день будет ясным, теплым». Зимой наблюдали следующее: «если много звезд на небе – то завтра, послезавтра мороз будет». В определении будет дождь

или нет, наблюдали и за луной, а точнее за нарождающимся месяцем. Говорили следующее: «Месяц стал на рогу – будет месяц поливать дорогу. Ежели месяц на боку лежит – месяц будет засуха». Наблюдая туман, замечали, что «если туман поднимается кверху – будет дождь. Если низко лежит, никаких изменений не жди». Температуру воздуха определяли, например, по дыму: «если дым столбом, будет холодно, если стелется – то будет тепло».

Прежде всего, отметим, что в источниках зафиксированы в основном знания о предстоящей погоде, необходимые для ведения хозяйства. Знать то, когда лучше начинать или заканчивать полевые работы, какими будут месяцы – дождливыми или засушливыми.

2.3. Народный календарь у русских Сибири

Традиционная культура русского народа ярко отражена в народном календаре, корни которого уходят еще в язычество¹⁸.

¹⁸ *Болонев Ф.Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (XIX - начало XX вв.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 159 с.; *В круге жизни: Семейные праздники, обычаи, обряды* / Быстрых Т.И., Аликина Н.А., Барминская Н.Н. и др. – Пермь: Пермская книга, 1993. – 317 с.; *Золотова Т.Н.* Календарная обрядность русских юга Западной Сибири и Северного Казахстана в конце XIX - первой трети XX веков // *Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование.* – Омск, 1992. – С. 22-24; *Золотова Т.Н.* Песни и игры святочных вечеров у русских Тоболо-Иртышского региона // *Народная культура: Материалы V Всерос. Науч.-практич. семинара по фольклору.* – Омск, 1997. – С. 19-25; *Золотова Т.Н.* Русские праздники и обряды годового цикла в жизни сибирской деревни // *Русский вопрос: история и современность: Материалы докл. Второй Всерос. науч. конф.* – Омск, 1994. – С. 49-52; *Золотова Т.Н.* Святочные гадания в календарно-обрядовом цикле русских сибиряков // *Народная культура Сибири и Дальнего Востока: Материалы VI науч.-практ. семинара Сибир. регионал. вузовского центра по фольклору.* – Новосибирск, 1997. – С. 43-45; *Золотова Т.Н.* Синкретические представления в календарно-обрядовой сфере русских сибиряков // *Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симпозиума.* – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 198-204; *Золотова Т.Н.* Трансформация календарной обрядности русского населения Тоболо-Иртышского региона (конец XIX-XX вв.) // *Россия и Восток: традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы* – Омск, 1997. – С. 91-94; *Золотова Т.Н.* Троицко-купальская обрядность русских старожилов Тоболо-Иртышского региона // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. Междунар. науч. конф.* – Новосибирск, 1995. – Т. II: Археология. Этнография. – С. 120-122; *Новоселова Н.А.* Ранний период приенисейской весны в обрядах, труде и фольклоре. Проблема специфики

Рис. 12. Календарь, реконструированный по изображениям на славянских сосудах

Источник изображения: Тюняев А.А. Древнерусский принцип исчисления времени [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://numerolog.ucoz.lv/blog/tjunjaev_aa_drevnerusskij_princip_ischislenija_vremeni/2010-02-10-16

Народный календарь у русских Сибири строился на основе преобладающей формы хозяйственной деятельности – земледелия (в некоторых районах – скотоводства и охоты). Именно поэтому помимо общеславянских и общерусских черт он имеет ряд региональных особенностей. Из общеславянских черт следует отметить подчиненность календаря смене времен года и поворотными сроками солнечного календаря. Здесь, как и у всех русских выделяются четыре цикла: зимний и летний солнцевороты, весенние и осенние равноденствия.

Зимний период в традиционной календаре по времени был одним из самых продолжительных в годовом цикле. Начало зимы традиционно связывалось с *Покровом* (14.10). Характерными для этого периода были

регионального календаря и семантики обрядовых действий. Региональный компонент образования: Монография / Н.А. Новоселова. - Красноярск: РИО КГПУ, 2005. - 276 с.; Скалозубов Н. Народный календарь: Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. - 1899. - Вып. IX. - С. 69-80; Обряды, обычаи, поверья: Сб. статей. - Тюмень, 1997. - С. 215-226; Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). – Новосибирск, 2002. – Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего цикла. – 288 с; Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX– первая треть XX вв.). – Новосибирск, 2003. – Ч. 2. Обычаи и обряды летне-осеннего периода. – 268 с.

представления о чередовании морозов и оттепелей. Необходимость зимних морозов и следующих за ними оттепелей связывали с естественным природным ритмом, благоприятной погодой в летний период: «Если зима не морозная – лето будет холодным». Названия морозных дней соотносили с праздниками, так в Сибири самыми известными были Введенские морозы (4.12), а также одни из самых продолжительных и сильных – Рождественские (07.01), Васильевские (14.01) – Васильевские морозы совпадали с началом колядок, это было время перехода между старым и новым годом; и Крещенские (19.01), последними считались Васильевские морозы (15.02).

Рис. 13. Кукла-Коляда.

Источник изображений: *Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. – СПб.: Паритет, 2008. – 240 с.*

Кроме того, в зимний период особенно выделялся период середины зимы, т.к. он считался началом нового природного и солнечного цикла. Обычно середина зимы приходилась на день Спиридона-Солнцеворота (25.12).

Надо сказать, что комплекс представлений о сезонных явлениях в зимний период был менее развернут по сравнению с остальными, что, впрочем вполне закономерно, т.к. это время воспринималось как время «сна природы».

Рис. 14. Маковский К.Е. Святочные гадания. 1900 г.

Источник изображения: Русский народ. – Кн. 1: Праздники, обычаи и обряды на Руси / Сост. М. Забылин. – М.: Белый город, 2009.

Хозяйственные занятия крестьян в этот период также были менее напряженными. Поэтому именно зимой молодежь чаще собиралась на вечерки, это было время молодежных игр, проводившихся в помещении и направленных на выбор и закрепление пар. Зимой традиционно играли большое количество свадеб.

Рис. 15-16. Жаворонки и поморские козули

Источник изображений: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М.: Наука, 1994.

Весенний календарный цикл был связан с мотивами пробуждения природы, в связи с чем важную роль играли всевозможные очистительные обряды. Начало весеннего цикла традиционно связывалось с так называемым «Днем Сорока святых (или 40 мучеников)» - 9.03. Это был день равенства дня и ночи. В день 40 святых практически на всей территории Сибири пекли печенье в виде жаворонков или гагар и исполняли обряд «кормления жаворонков»

В разных районах он исполнялся по-разному, например, в юго-западной части Томской губернии жаворонков прятали в сусеки с хлебом и в божницы. На Ангаре, захватив с собой «жаворёнков» женщины и девушки отправлялись на гумно «кормить жаворонков»: там они крошили печенье на мелкие кусочки и разбрасывали по сторонам, припевая «Жаворенки прилетели на завалинку, на приталинку». Обычно печенье в виде птичек пекли на каждого члена семьи и на каждую скотину.

Природные условия Сибири вносили свои коррективы в народный календарь. В частности, поздно наступавшая весна и ранняя осень укорачивали летний сельскохозяйственный период, а занятия охотой и рыболовством по сезонам в Восточной Сибири влияли на сроки проведения некоторых праздников. В силу природно-климатических условий, начало периода весенней молодёжной «игры» – «хороводов» (термин М. М. Громыко) – в Енисейском районе, например, сдвигалось на более позднее время. Разгар хороводных гуляний в Сибири приходится на праздник Троицы.

Весенне-летние собрания проходили *на миру, на открытом воздухе*, на специально отведённом для этого месте (*полянки, роуци*) с экспозицией участников игры-хоровода. Традиционные собрания молодёжи во время осенне-зимнего периода проходили в закрытом помещении и были целенаправлены на свадьбу с выбором и закреплением пар (после Святков в зимний Мясоед в енисейских деревнях наступал свадебный сезон).

Жизнь крестьянской общины была строго регламентирована годовым циклом обрядов и праздников. Весной происходит *отторжение* молодёжной группы для прохождения через *игру-инициацию* (хоровод и вечерка) и *включения* в общину в новом статусе (взрослых её членов) после свадьбы. Масленичным сезоном замыкался игровой цикл молодёжи, в свадебном ритуале уже перешедшей в иную возрастную группу.

Вместе с наступлением Весны вступало в неизменную, словно смена природных сезонов, «игру» следующее поколение молодёжи, достигшей брачного возраста, с тем, чтобы, пройдя свой игровой круг, замкнуть следующий виток вечного кругооборота жизни крестьянской общины.

2.4. Народно-медицинские знания русских Сибири¹⁹

¹⁹ Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья: Сб. ст. – Тюмень, 1997. – 400 с.; Баня и печь в русской народной традиции / РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. / Отв. ред. В.А. Липинская. – М.: Intrada, 2004. – 288 с.; Бартенев В.В. На крайнем северо-западе Сибири (Очерки Обдорского края) // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Ср.-Ур. кн. изд-во, 1998. – С. 112 – 218; Бекреев М. (свящ.) Два случая врачебной помощи пастыря // Тобольские епархиальные ведомости. – 1886. – № 12. – Отдел неофициальный. – С. 220 – 222; Болонев Ф.Ф. Русские заговоры Сибири: бытование и проблема изучения // Русский фольклор и фольклористика Сибири. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. / Под ред. Р.П. Матвеевой. – Улан-Удэ, 1994. – С. 9 – 11; Брыков И. О некоторых простонародных средствах в Сибири употребляемых. Сообщены штаб-лекарем коллежским ассесором И. Брыковым, бывшим членом Томской врачебной управы // Военно-медицинский журнал, издаваемые медицинским департаментом военного министерства. – 1829. – Ч. XIII. – № 1. – С. 44 – 54; Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 325 – 432; В-ков Г. (свящ.) Случаи врачебной помощи приходского священника // Тобольские епархиальные ведомости. – 1889. – № 1-2. – Отдел неофициальный. – С. 40 – 43; Волокитин Н. О растительности Сибири (по Миддендорфу и Гмелину) // Живая старина. – 1857. – Кн. X. – Отд. оттиск. – 11 с.; Врачебная деятельность священника и пастырское дело // Тобольские епархиальные ведомости. – 1898. – № 21. – Отдел неофициальный. – С. 520 – 533; Врачебные и ветеринарные советы // Тобольские епархиальные ведомости. – 1882. – № 11-12. – Отдел неофициальный. – С. 246 – 249; Высоцкий Н.Ф. (проф.) Лихорадка, ее происхождение, причины и способы лечения по народным воззрениям. – Казань: Типо-литография Импер. ун-та, 1907. – 27 с.; Высоцкий Н.Ф. (проф.) Очерки нашей народной медицины // Записки Московского археологического института. – М.: Печатня А.И. Снегирева, 1911. – Т. XI. – С. 1 – 168; Высоцкий Н.Ф. (проф.) Роль женщины в истории нашей народной медицины. – Казань: Типо-литография Импер. ун-та, 1908. – 27 с.; Гамолецкий К.В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами

В этнографической науке существует несколько подходов к определению народной медицины:

В структуре народной медицины выделяется несколько тесно взаимосвязанных сфер: диагностика, переплетенная с представлениями об этиологии заболеваний, профилактика и собственно лечебная область. Перечисленные сферы, как правило, включают два слоя знаний. Первый из

политических ссыльных XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Ср.-Ур. кн. изд-во, 1998. – С. 220 – 299; Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири // Землеведение. – 1902. – Т. IX. – № 2-3. – С. 53 – 68; Головачев П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнеров и К°, 1902. – 300 с.; Голошубин И. (свящ.) Случаи из практики сельского священника // Тобольские епархиальные ведомости. – 1889. – № 15-16. – Отдел неофициальный. – С. 339 – 343; Громыко М.М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII – XIX веков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в.: Сб. науч. трудов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975. – С. 71 – 109; Демич В.Ф. Легенды и поверья в русской народной медицине. Очерк В.Ф. Демича // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. – 1899. – № 10. – 60 с. – Отд. Оттиск; Демич В.Ф. Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа (Очерки народной медицины) // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским департаментом. – 1894. – Отдел «Практическая медицина». – Т. XXII. – Кн. III. – С. 133 - 169; Т. XXIII. – Кн. I. – С. 1 – 29; Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Акушерство у народа // Медицина. – 1889. – 12 августа. – 23 с. – Отд. Оттиск; Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Гинекология у народа // Медицина. – 1889. – 12 августа. – 50 с. – Отд. Оттиск; Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Хирургия у русского народа // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. – 1911. – № 11, 12. – 81 с. – Отд. Оттиск; Демич В.Ф. Педиатрия у русского народа // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским департаментом. – 1891. – Отдел II «Общественная гигиена». – Т. XI. – Кн. II. – С. 125 - 135; Т. XI. – Кн. III. – С. 187 - 212; Т. XII. – Кн. II. – С. 111 - 123; Т. XII. – Кн. III. – С. 169 – 186; Демич В.Ф. Русские народно-врачебные средства от пьянства (Сообщено в отделе общественной медицины на IX Пироговском съезде) // Русский врач. – 1904. – № 4. – 13 с. – Отд. Оттиск; Демич В.Ф. Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии / Под ред. В.В. Подвысоцкого. – СПб.: Типография Шредера, 1901. – 60 с. – Отд. Оттиск; Дражева Р.Д. Обряды, связанные с охраной здоровья, в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян // Советская этнография. – 1973. – № 6. – С. 109 – 119; Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е годы как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX вв.): Сб. науч. трудов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГТМ, 1997. – С. 130 – 154; Костров Н. Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Омск: Типография Окружного штаба, 1879. – Кн. I. – С. 1 – 16; Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – начала XX вв. // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб: АОЗТ Изд-во «Литера», 1996. – С. 10 - 276 и др.

них, представлен в основном рациональными знаниями, и доступен широкому кругу населения, а второй – лишь небольшому слою профессиональных врачей.

У разных сибирских народов для обозначения врача существует множество терминов: у татар - *табиб, табибце, имам, имамце*; у казахов – *баксы, табиб, оташы* (лечащий с помощью оперативного вмешательства), *сыныкшы* (костоправ); у русских, украинцев и белорусов – *бабушка, баушка, волхвितка, волхитка*; у якутов - *отосут* и т.п.

Сельское население Сибири выработало ряд требований, предъявляемых к фигуре врача. В рассказах о лекарях, знахарях и т.п. делается акцент на наличие возрастного ценза, влияющего на процесс передачи знаний. Нижняя граница касалась в основном женщин и определялась временем прекращения менструации (около 45-50 лет); верхняя же граница зависела от возможности участия в обрядовых практиках и чаще всего обозначалась так: «Как зубы выпали, так лечить нельзя». Также следует отметить обязательность передачи знаний последующим поколениям. Это правило дошло до сегодняшнего времени в виде воспоминаний о предсмертных мучениях врача, не транслировавшего своих знаний, и в запретах раскрывать сакральное знание лицам, страшим по возрасту.

До первой половины XX в. обнаруживается тесная связь между народной медициной и религией. Так, например, население Восточной Сибири нередко обращалось за медицинской помощью к ламам, также в числе лекарей упоминаются православные и католические священники, у сектантов – религиозные главы общин, у аборигенного населения - шаманы и т.д.²⁰

Эта связь сохраняется до настоящего времени в области диагностики и лечения. Религиозные персонажи и формулы играют большую роль в заговорной традиции. Украинцы, белорусы и русские при лечении часто

²⁰ См.: Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. – СПб., 1906. – С. 123.

используют заговоры, содержащие обращение к Иисусу Христу, Пресвятой Богородице, целителю Пантелеймону, великомученице Варваре, праведной Анне (ее часто именовали Анна Зачатье), Николаю Чудотворцу и т.д. Татары применяют заговоры, имеющие схожую формулу с молитвой – «Бисмилла Ирр-ахман Ир-рахим, Аллахы Тэгэлэ...». Тюркоязычное и финно-угорское население во время лечения обращается ко всевозможным духам-покровителям, тесно связанным с природой.

При диагностике болезни обязательно учитывались представления об этиологии заболеваний, которые условно можно разделить на несколько групп. Чаще всего возникновение болезни связывалось с воздействием злых духов болезни (например, по воззрениям хакасов оспа вызывалась воздействием *Улуг аалчы*; ветрянка - *Кічіг аалчы*; тиф – *Харан аалчы*; корь – *Хоочах*, *Коор орекен*, *Аалчі-кюр*. У татар эти болезнетворные агенты известны под собирательным названием «*шайтан*». У восточных славян подобные взгляды нашли выражение в виде представлений о лихорадке, чуме, сибирской язве, которые ассоциировались с женскими образами; об испуге у детей, вызываемом *щекотунами*, *крикливцами*, *полуночниками* и т.п.). Другой причиной могли быть вредоносные действия человека - так называемый сглаз, озепп, порча. Также болезнь могла возникнуть из-за непочтительных действий человека по отношению к природным стихиям или религиозным персонажам (домашним фетишам и т.п.). Нездоровье человека связывалось и с представлениями о душе (например, у алтайцев, казахов, хакасов исчезновение души – *кут* – могло привести к смерти). Важная роль отводилась также рациональным объяснениям.

В народной анатомии существует много параллелей с миром животных и растений. Это связано с тем, первичные представления о строении человеческого тела население, по всей видимости, получало в процессе ухода за животными. В дальнейшем эти знания накапливались и систематизировались. Поэтому-то так обширны и разнообразны знания о внешних органах и их строении, основанные на зрительном восприятии и

наблюдениях. Представления же о внутренних органах менее развиты. Исключение составляют здесь, пожалуй, некоторые русские, монгольские и бурятские лекари Восточной Сибири, знакомые с достижениями китайской и тибетской медицины.

В сфере профилактики, включающей в себя и санитарно-гигиенические нормы и знания, проявилась очень тесная связь с такими элементами культуры, как календарная обрядность, одежда, пища и жилище. Многие профилактические приемы были оформлены в виде запретов. В родильной обрядности они обусловлены представлениями о влиянии матери и общины на судьбу ребенка, пищевые ограничения диктовались особенностями системы питания и дошли до нас в виде всевозможных пословиц и поговорок, а у старообрядцев и меннонитов до сегодняшнего дня сохраняется запрет на употребление алкоголя и табака.

В структуре санитарно-гигиенических норм выявляются общественная и индивидуальная составляющие. Нормы часто зафиксировались на уровне праздничной культуры. У большинства народов Сибири обряды, связанные с охраной здоровья, специальные дни наведения чистоты были приурочены к переходным датам и нередко органично вплетались в хозяйственный календарь. Среди этих дат следует особо выделить Новый год, Рождество, праздник летнего солнцестояния, приходящийся на 24 июня по старому стилю. Именно последний занимал особое место в народных знаниях населения Сибири. В этот день проводились очистительные мероприятия с использованием воды и огня (омовения, катания по росе, сжигание одежды больных, прыжки через костры и т.п.). Также считалось, что собранные в этот день лекарственные растения будут иметь особую целительную силу. У групп, исповедующих христианство, санитарно-гигиенические нормы были связаны также с Великим Постом и Пасхой. Так, например, славянское и немецкое население наводило особенный порядок в доме и хозяйственных постройках в четверг седьмой недели Великого поста, именуемый «чистым четвергом» у восточнославянских групп или «зеленым четвергом» у немцев.

Также необходимо отметить, что в среде многих народов Сибири до середины XX в. бытовали общественные санитарные нормы, направленные на ограждение от болезней целых селений. Среди них - раскладывание костров по дорогам, ведущим из зараженных местностей; оцепление зараженных селений и домов; так называемое «опахивание»; религиозные богослужения; изоляция заболевших; у кочевых народов - перемещение жилищ и т.п.

Что касается области лечебных приемов и средств, то здесь большую роль играл индивидуальный подход, закреплённый в правиле: «каждому больному и каждой болезни – свое лекарство». У разных групп населения региона очень часто совпадала рациональная составляющая лечебных приемов и средств. При этом представления о необходимости и способах тех или иных лечебных средств часто различались. Эту ситуацию можно объяснить тем, что основную массу лечебных приемов составляли способы, выработанные на основе опыта и общекультурных представлений. Так, например, у большинства народов лекари «правили головы», накладывали на переломы подобие шин, простуду лечили прогреванием, ожоги смазывали нутряным салом животных. Различались лишь приемы исцеления нервно-психических и эпидемических заболеваний.

Что касается лекарственных средств, то их основу составляли средства местного происхождения, отбираемые по принципу их эффективности. Чаще всего использовались лекарственные травы. Эмпирически оформился определенный набор средств, обладающих широким спектром действия. В перечень «трав от всех болезней» обычно включаются: мать-и-мачеха (*Tussilago farfara* L.), календула (*Calendula officinalis*), душица (*Origanum vulgare* L.), зверобой (*Hypericum perforatum* L.), крапива (*Urtica dioica* L.), можжевельник, подорожник (*Plantago major* L.), полынь (в основном *Artemisia absinthium* L. и *Artemisia vulgaris* L.), ромашка (*Matricaria chamomilla* L.) и чабрец (*Thymus serpyllum* L.). На Алтае и в некоторых районах Восточной Сибири широкое распространение получили довольно

редкие виды. Среди них - левзея сафроловидная (*Rhaponticum carthamoides* (Willd.) Ljin, *Leuzea carthamoides* (Willd.) DC или маралий корень, княжик сибирский (*Atragene sibirica* L.), водяника черная, шикша черная (*Empetrum nigrum* L), или дорогая трава, родиола розовая (*Rhodiola rosea* L.), или золотой корень, родиола четырехчленная, родиола четырехлепестная (*Rhodiola quadrifida* (Pall.) Fisch. et Mey, *Sedum quadrifidum* Pall.), или красная щетка, упоминаемые во многих медицинских трактатах древности.

Там где в хозяйственном комплексе преобладали скотоводство и охота, с лекарственными растениями соперничали средства животного происхождения. Их набор также зависел от местных особенностей. Спорным вопросом было употребление в лечебных целях крови. У восточнославянского населения она не нашла применения, тогда как у тюркоязычных и финно-угорских групп кровь животных рекомендовалось пить для увеличения жизненных сил, лечения болезней мочеполовой сферы у мужчин и у женщин.

Из металлов и минералов на всей территории Сибири при проведении лечебных процедур популярны медь, железо, соль, бирюза, и серебро. Но первое место все же принадлежало воде, ее рациональному (купание в минеральных источниках, например) и иррациональному использованию.

Каждый народ стремился в целях сохранения здоровья отобрать наиболее эффективные средства, иногда даже чуждые его культурной традиции, именно поэтому народная медицина - это явление очень динамичное, на которое оказывают влияния многие факторы: научная медицина (чего стоит одно внедрение оспопрививания и синтетических лекарственных средств), природно-географическая среда (именно от нее зависит картина заболеваемости и набор лечебных средств), иноэтничное окружение и т.д.

В результате адаптационных процессов к концу XX в. был достигнут высокий уровень интегрированности народно-медицинских знаний

большинства групп Сибири, что характеризуется их значительной близостью во всех сферах народно-медицинских знаний.

2.6. Народная метрология в Сибири²¹

Народная метрология формировалась на основе хозяйственных навыков и была тесно связана с сельскохозяйственной и промысловой деятельностью русского крестьянина. Приведем некоторые из зафиксированных народных мер.

Выпряжь - время, которое может выходить лошадь в сохе без кормежки и перепряжки.

Гон, переезд - часть полосы пашни в 10—20 сажень, которую проезжают сохой в один раз, не поворачивая ее (Тобольский округ).

Дель - 1) мера [рыболовной] сети в 1 аршин ширины, 1 сажень длины; 2—3 дели образуют *столб* (Тюменский округ); 2) часть сети, приходящаяся на долю каждого пайщика в сшивном неводе.

Загон - 1) часть поля между двумя большими бороздами; 2) Небольшой продольный участок земли приблизительно в 75-125 кв. сажень (5 x 15-25 сажень). Это не вполне определенная мера, она применяется для определения приблизительных размеров площадок, засеянных льном, коноплей, репой.

Затопля - время, пока топится печь.

Истоплё - количество дров, достаточное для того, чтобы истопить печку один раз.

Кадь - мера сыпучих тел, равняется четырем пудовкам [см. ниже] или половине четверти.

²¹ Раздел составлен по: Патканов С.К., Зобнин Ф.К. Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах // Живая старина. 1899. Вып. 4. С. 487-515; Молотиллов А. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губернии): Материалы для сибирской диалектологии // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1912. Т. 2. Вып. 1. С. 128-215; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. Учеб. пособие. М., «Высш. школа», 1975. 328 с.

Колода - совокупность окладных сборов (подушные оброчные подати, частная волостная повинность и сбор на межевание земель), платимых крестьянами. Кроме окладных сборов, они, как известно, платят еще волостные, мирские или сельские и другие. В Тобольской губернии размер колоды колеблется, смотря по местности, между 4 1/2 и 5 рублями с души в год.

Копна - куча сена в 5-7 пудов; на севере Тобольской губернии применяется как мера луга: на душу отводят участки, с которых можно получить приблизительно равное количество копен.

Ручная копна в Тобольском севере равна 3-4 пудам, *женская*, когда уборкой занимаются женщины, - 3-3 1/2 пуда.

Крестьянская десятина - мера земли в 2700 кв. сажень, реже в 3200 кв. сажень или 2500 кв. сажень, в отличие от казенной десятины в 2400 кв. сажень.

Крестьянская сажень - ручная сажень, в противоположность печатной. Крестьянская сажень бывает двух родов: 1) она равняется расстоянию между концами двух горизонтально вытянутых рук; 2) расстоянию от верхней поверхности ступни до конца пальцев вытянутой вверх руки.

Нажин - количество снопов, которое можно нажать с определенной меры земли.

Овин - 1) сушильня для хлеба, в которой роль печи играет яма; в последней жгут дрова. При двухрядной садке в овин входит около 200 снопов ярового и 180-190 снопов озимого хлеба, при однорядной - около 150 снопов; 2) мера зернового хлеба в снопах; овин озимого в 150-200 снопов и ярового в 200-300 снопов.

Плёсо - видимое пространство реки между двумя ее изгибами, которые закрывают от взоров ее дальнейшее течение. Плесо служит как бы мерой длины в Тобольском округе. Например, если едут рекой и не знают числа верст, которое осталось проехать, нередко говорят, что осталось проехать два плеса, три плеса и т. д.

Пудовка - мера для хлеба (обычно деревянная, реже железная), вмещающая около 1 пуда. Ранее мерили зерновой хлеб преимущественно этой пудовкой; теперь переходят на более точный весовой пуд. Оттого различают - *насыпной пуд* (пудовка) и *вешный пуд*, или весовой.

Решето - мера рассады овощей в 50-60 растений.

Сноп - 1) пук зернового хлеба; сноп конопли состоит из четырех горстей; 2) мера пашни в северной части Тобольского округа; например, говорят: «У нас земли на 300 снопов».

Стог - мера сена в Тобольском округе приблизительно в 20 копен; например, говорят: «У нас покоса стогов на 20».

Столб - кроме обычного смысла, еще означает: мера длины холста, равная 2 аршинам. Пять столбов составляют *стену* холста.

Помимо народных мер в народно-хозяйственной практике использовались и официальные меры. Так, в частности, применялась десятина, размеры которой как и в XVII в. разнились. Помимо десятины в 2400 квадратных сажен, в XVIII, XIX и XX вв. известна десятина, называемая хозяйственной, общей площадью в 3200 квадратных сажен, имевшая 80 сажен длины и 40 сажен ширины. Кроме хозяйственной, встречалась так называемая сотенная, или сотельная, десятина, т. е. земельная площадь, имевшая 100 сажен длины и 40 сажен ширины, равная 4000 квадратных сажен. Такие десятины употреблялись главным образом в многоземельных местностях на Среднем и Нижнем Поволжье, в Сибири и Зауралье.

Вопросы для самоконтроля:

1. Раскройте содержание понятия «народные знания».
2. Какова структура народных знаний?
4. Назовите функции, которые выполняют народные знания и дайте характеристику этих функций.
5. Расскажите о формировании народных знаний русских Сибири.
6. В чем проявился симбиоз культуры русских и культуры аборигенов Сибири в области народных знаний?
7. Приведите примеры сохранения до настоящего времени архаичных представлений. В чем причина столь длительного существования архаики?

8. Охарактеризуйте астрономические и метеорологические народные знания русских Сибири.
9. Как менялись представления русских о растениях, были ли эти изменения существенными и с чем они связаны?
10. Перечислите рациональные и иррациональные приемы и методы народной медицины русских Сибири.